

Ирина БЕЛЯЕВА – Александра СЕНИЛОВА

**РОМАН ИВАНА ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»
И ПРОБЛЕМА «ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА»****Ivan Goncharov's novel "A Common Story"
and the problem of the "Petersburg Text"****Abstract**

The article raises the question about the nature of the "Petersburg Text" in the novel "A Common Story", about its correlation with the general body of the "Petersburg Text" of Russian literature and about its individual meanings in Goncharov's prose. Various levels of the "Petersburg Text" are considered: the expression of the category of the "inner state" of the hero, as well as culture and nature. It is concluded that Goncharov's novel does not fully fit into the mainstream of the "Petersburg Text" of Russian literature but adopts the basic principles of its construction, and also has great potential for the semantic increments of the individual local Petersburg dictionary, which is determined by Goncharov's use of irony and symbols.

Keywords: *Goncharov, "A Common Story", Petersburg, "Petersburg Text", locus, province, irony*

Центром художественного пространства в романах Гончарова оказывается мир провинциальный, однако само пространство им не ограничивается. Особенно это касается первого романа писателя – «Обыкновенной истории», основное действие которого происходит в Петербурге. Исследователи справедливо обращали внимание и на «физиологический» ракурс его изображения у Гончарова [ЦЕЙТЛИН 1950], и на преемственность по отношению гоголевско-лермонтовским традициям, и на подчиненность логике «романа воспитания» [КРАСНОЩЕКОВА 1997]. Однако собственно проблема «петербургского текста» в том объеме значения этого понятия, который был определен В.Н. Топоровым [ТОПОРОВ 2009], на материале прозы Гончарова не ставилась. Не случайно сам ученый, труды которого по «петербургскому тексту» русской литературы содержат несколько важных отсылок к гончаровским романам [ТОПОРОВ 2009: 661, 672, 732], отмечал, что вклад Гончарова в формирование петербургского «сверх-текста» пока не оценен по достоинству.

Очевидно, что вопрос этот назрел и подступы к нему тоже обозначены. Так, в работах Н.Н. Старыгиной [СТАРЫГИНА 2009; СТАРЫГИНА 2012] активно используется сама категория «петербургского текста», правда, в широком значении. В исследовании же В.А. Доманского говорится о Петербурге в семиотическом ключе и выделяются четыре подсистемы в «пространственно-пластическом образе города» [ДОМАНСКИЙ 2013: 49]: проспект (улица) – площадь – парк (сад) – река (канал) с набережной. В.А. Доманский признает, что вопрос

о «петербургском тексте» у Гончарова только обозначен и требует изучения, причем на разных уровнях – культурологическом, геодезическом, архитектурном, топонимическом и мифологическом. Последнее особо важно для решения проблемы «петербургского текста» в ее классическом понимании. В этой связи хотелось отметить особое значение работы В.Н. Ильина «Продолжение “Мертвых душ” у Гончарова», впервые опубликованной в Париже в 1963 году, который в «Обыкновенной истории» услышал эсхатологические смыслы, связанные с «адскими» значениями города [Ильин 2012], коррелирующими с мрачной стороной мифа о городе, которому «быть пустым» [Топоров 2009: 647].

В настоящее время назрела необходимость понять, как Петербург Гончарова, в том числе представленный в первом романе писателя, относится к петербургскому «сверх-тексту», что не тождественно ни понятию «петербургская литература», ни Петербургу как «образу в литературе». Петербургский «Сверх-текст» отличается установкой на обращение к «уже описанному прецеденту, к цитате, аллюзии, пародии» [Топоров 2009: 670] и обладает своим словарем. В этом смысле важно, что в лексико-мотивную структуру «Обыкновенной истории» оказывается вплетен пушкинский реминисцентный план, звучат гоголевские и лермонтовские интонации, стоящие у истоков формирования «петербургского текста», единство корпуса произведений которого обеспечивается «языковым кодированием основных составляющих» [Топоров 2009: 693] и особым мифопоэтическим восприятием роли северной столицы в контексте русской истории. «Для пришельцев из вольной России, – пишет В.Н. Топоров, – этот город казался адом», «Петроград» таинственен и двойственен, так как «здесь совершилось насилие над природой и духом» [Топоров 2009: 688].

В романе Гончарова «Обыкновенная история» взаимодействуют темы и мотивы, традиционные для корпуса «петербургских текстов»: Петербург как лишенное поэзии место, подавляющее «маленького человека», мотивы искусственности и фальши, горя-безнадежности, эсхатологические мотивы. Однако важно определить, соответствует ли «Обыкновенная история» не только предметно-качественной, но и языковой парадигме «петербургского текста», что и станет основной задачей нашего исследования.

***

«Объектный состав» «петербургского текста», как отмечает В.Н. Топоров, включает в себя определенные «природные», «культурные» явления и «душевные» состояния [Топоров 2009: 633]. В тексте «Обыкновенной истории» оказываются значимы слова-«сигналы»¹ из всех категорий. Категория «душевных» состояний Александра Адуева представлена наиболее полно и разнообразно, так как она является особо значимой в центростремительной структуре романа.

В тексте «Обыкновенной истории» последовательно встречаются такие сигналы «петербургского текста», как «тоска», «душно», «грусть», «не замечать», «ужас», «новая жизнь», «предаваться мечтаниям»: «Еще более взгрустнется

---

¹ Под словами-«сигналами», или «маркерами» мы понимаем слова из локально-петербургского словаря (словаря «петербургского текста»), представленного в исследовании В.Н. Топорова.

провинциалу, как он войдет в один из этих домов... эх, грустно!» [ГОНЧАРОВ 1997, 206. Выделено здесь и далее в подобных примерах нами. – И. Б., А. С.], «... на него наводили тоску эти однообразные каменные громады», «Вот о какой любви мечтал он: о сознательной, разумной...» [ГОНЧАРОВ 1997: 204, 360]. Однако в романе имеют место и семантические приращения основных знаков «петербургского текста», характер которых необходимо определить, а также уяснить характер их соотношенности к устоявшейся семиотической системе.

В.Н. Топоров делит все слова-«сигналы» словаря «петербургского текста» на «положительные» и «отрицательные». В «Обыкновенной истории» мы видим, что Александр испытывает характерные для находящегося в Петербурге героя чувства: жар, еле выносимую радость, одиночество, мечты, ощущение свободы, болезни и т. д., но их трактовка не всегда традиционна, что объясняется у Гончарова стилиобразующей функцией иронии [ГРОДЕЦКАЯ 2013]. Она подчас переворачивает значение слова или выражения, вкладывает в него одновременно два противоположных смысла. Этот прием позволяет в одном высказывании отразить двуплюсность трактовки явления (взгляд дяди и племянника).

Для «петербургского текста» горячка, жар, сумасшествие – «отрицательные» состояния, а у Гончарова так определяется любовь или сильная радость Александра: «... весь пар выпустил! Ты сумасшедший!» [ГОНЧАРОВ 1997: 237], – говорит дядя. В рамках системы ценностей Петра Ивановича чрезмерная эмоциональность, влюбленность чреваты глупостями, следовательно, опасны и нежелательны. В общепринятом же восприятии и в восприятии Александра любовь – «положительное», светлое чувство. Соответственно, сумасшествие воспринимается в переносном смысле – как сумасшествие от любви, в чем мы видим семантическое приращение.

Слова-«сигналы», характерные для «петербургского текста» русской литературы, иногда используются Гончаровым как способ метафорически передать силу чувства, но не само это чувство: «но он схватил руку опять и начал целовать с жаром», «... с жаром начал Александр», «взял с лихорадочным трепетом ноты с пюпитра» [ГОНЧАРОВ 1997: 262, 238, 260]. Метафора сумасшествия выражает не просто симпатию, а любовь-страсть. О подобном эффекте писала А. Молнар, которая справедливо полагала, что у Гончарова «происходит реинтерпретация предыдущих знаковых комплексов и создание новой поэтической семантики» [МОЛНАР 2012: 50].

Однако «реинтерпретация» не приводит читателя к совершенно иному пониманию лексемы. В рамках новой поэтической семантики Гончаров регулярно прибегает к **приему выстраивания рядов контекстных синонимов**. К словам-«маркерам» из общего корпуса «петербургского текста» романист «добавляет» свои слова-метафоры так, что они находятся в отношении свободного варьирования. Вот некоторые контекстуальные синонимичные выражения, которые описывают состояние влюбленности (собственно гончаровские семантические находки обозначены курсивом):

Слова-«сигналы» «петербургского текста» русской литературы	«Обыкновенная история»
1. Как сумасшедший; Быть принятым за сумасшедшего;	Александр вбежал утром к дяде как сумасшедший . ... весь пар выпустил! Ты сумасшедший! И как сумасшедшие смотрят или еще хуже... <i>Вот теперь и будешь прыгать и скакать дня три как помешанный...</i> <i>Ради бога, не предавайся экстазу...</i> И не Александр сошел бы с ума от нее... Вы с ума сошли! – отвечала она. ... <i>рассудок мой угасает с каждым днем...</i> ... то есть по-твоему, как сумасшедшие... ... <i>у меня нет теперь ни искры рассудка.</i>
2. Бред;	Бредишь , милый. Ты теперь в бреду .
3. Жар; Лихорадочное состояние;	... тебе не втолкуешь: ты в горячке . Горячка прошла , но мука его удвоилась. ... а сами вы дрожали как в лихорадке...

Подобное использование слов в непривычных для них значениях и контексте, с одной стороны, через языковой портрет формирует представление о мировоззрении дяди, с другой – вызывает комический эффект. На протяжении практически всего романа комический эффект поддерживается сменой стилистических регистров. Но постепенно манера речи дяди ассимилирует речь племянника: процесс воспитания через разочарование на лексическом уровне выражается использованием дядюшкиных языковых формул. Ср.: «тебе не втолкуешь: ты в горячке» [ГОНЧАРОВ 1997: 248], «мне тяжело, я точно болен» [ГОНЧАРОВ 1997: 293].

У слова «болезнь», входящего в локально-петербургский словарь со значением «физический недуг», в тексте раннего романа Гончарова выделяются несколько дополнительных коннотаций. Во-первых, глагол «болеть» является частью литературного штампа: «*болело и ныло сердце от стычек розовых его мечтаний с действительностью*» [ГОНЧАРОВ 1997: 231] – таким поэтическим образом дается характеристика разочарованию. Во-вторых, болезнь, как и сумасшествие, жар, сопоставляется с любовью: «*сердца сладко и вместе как-то болезненно ныли*» [ГОНЧАРОВ 1997: 261]. Речь идет об Александре и Наденьке

Любецкой. – И. Б., А. С.], «нет: ты был **болен**, а теперь начинаешь выздоравливать» [ГОНЧАРОВ 1997: 293. Разговор дяди с Александром после расставания с Наденькой. – И. Б., А. С.].

В то же время внутреннее состояние Александра амбивалентно, он воодушевляется, глядя на «фасадный» Петербург, ощущает себя «гражданином нового мира» [ГОНЧАРОВ 1997: 206]. В.Н. Топоров указывает на то, что смена состояний героев в «петербургском тексте» происходит стремительно [ТОПОРОВ 2009: 672]. Этому наблюдению в «Обыкновенной истории» соответствует момент приезда провинциала в столицу: «... **новая жизнь** отверзала ему объятия и манила к чему-то неизвестному» [ГОНЧАРОВ 1997: 206], что фиксирует как концептуально важное слово-«сигнал» в романе Гончарова сам исследователь [ТОПОРОВ 2009: 672]. Однако Гончаров дополняет общую систему значений этого выражения своим смыслом, используя слово-сигнал в синтагматически схожей конструкции: «ты начал *стороной* говорить о том, что вот-де перед тобой открылся **новый мир**» [ГОНЧАРОВ 1997: 239]. Словом, выражение «новый мир» может выступать как контекстным синонимом к «новой жизни» – «Александр *знакомился с этим новым* для него **миром**» [ГОНЧАРОВ 1997: 226], так и содержать дополнительные значения, например, близкие дантовской системе координат [см.: БЕЛЯЕВА 2017], что неизбежно чревато семантическим приращением.

Процесс творчества и любовь воспринимаются Александром как созидательные действия, отсюда формулировки: «он называл это *творить особый мир*», «точно сотворил себе из ничего какой-то мир», «он опять стал *творить особый мир*» [ГОНЧАРОВ 1997: 265, 336]. Таким образом, выражение «творить особый мир» составляет антитетическую пару к фразам «быть сумасшедшим», «быть в горячке», «бредить». Данный случай – пример «прагматической перекодировки», так как «реализуется возможность стилистически различного повествования» [ЛОТМАН 2018: 66] об одном объекте.

Семантическое приращение вызвано еще и «литературностью», характерной для речи Александра, который в своем творческом развитии будто проходит этапы современной ему литературы [см.: КРАСНОЩЕКОВА 2008: 153]. Такие чувства, как тоска, грусть, одиночество – это черты романтической личности. «Положительное» ощущение свободы, согласно В.Н. Топорову, у героя возникает в ситуации прощания с мечтами и прошлым, как в сцене сжигания тетрадей: «– Ух! – промолвил Александр, – я свободен!», однако потом оно переходит в «сон души»: «Мне душно, больно... тоска, мука!» [ГОНЧАРОВ 1997: 344, 285, 309]. Автор уже в начале романа намечает возможность будущей апатии: «... он **малый покойный**» [ГОНЧАРОВ 1997: 211], – говорит дядя о племяннике через несколько месяцев после его приезда.

«Быть спокойным» в семантике «петербургского текста» отнесено к «положительной» подкатегории. «Тогда Александр ... уносился мысленно в место **злачно**, в место **покойно**, где нет ни бумаг, ... ни вицмундиров, где царствуют **спокойствие**» [ГОНЧАРОВ 1997: 251], – таково у Гончарова описание идиллического локуса, в котором разворачивается любовь молодых людей. Тишина и

размеренное спокойствие дома Любецких противопоставлены напряженному движению в столице.

Помимо подобных значений, у Гончарова состояние спокойствия представлено еще с трех ракурсов. Во-первых, как качество «делового человека»: «Петр Иванович, **по обыкновению**, выслушал это известие **покойно**...» [ГОНЧАРОВ 1997: 194]. Для дяди покой равензначен комфорту, обеспеченному здравомыслием. Во-вторых, спокойствие сопутствует взрослению. Из психологического портрета Наденьки, после ее встречи с графом, тоже всегда сдержанным, как Петр Иванович, уходит динамика. Сравним две характеристики: «Ее физиономия **редко оставалась две минуты покойно**» [ГОНЧАРОВ 1997: 253], – говорится в начале; «Мать приняла его радушно, **Надинька – покойно**, граф – вежливо» [ГОНЧАРОВ 1997: 287] – речь идет о визите Александра в гости к Любецким для объяснения. В-третьих, это может быть признаком угасания человеческой личности: «один, вдалеке от толпы, я **одревенел**» [ГОНЧАРОВ 1997: 414]. «Мертвое спокойствие» («Дай мне это мертвое спокойствие» [ГОНЧАРОВ 1997: 285]), выраженное метафорой одревенения, противопоставлено в образной системе романа чувству полноты жизни. Вновь мы видим различие трактовок: в системе координат Александра «покойно = бесчувственно», в дядюшкиной – «покойно = разумно, приятно». В большинстве случаев «кодирующая система», транслирующая дядюшкино мировоззрение, и классификация в рамках локально-петербургского словаря совпадают.

Александр, узнав о свадьбе дяди, удивляется: «**И вы так покойны!** ... так **адски холодно рассуждаете о любви!**» [ГОНЧАРОВ 1997: 242]. «Покой» и «холод» становятся в его речи контекстными синонимами. Восприятие спокойствия исключительно как безразличия не отражает полноты этого состояния, а показывает отношение к нему молодого человека, переживающего определенные эмоции.

Построение высказываний как формул с определенным набором компонентов, «кодировость» языка позволяет Гончарову через замену одной «переменной» выразить трансформацию мышления героя. В упрощенном виде повествование представляет: 1) набор ситуаций-испытаний; 2) героя; 3) многогранную оценку ситуации. Приведем пример с заменой третьего компонента: по приезде в столицу Александр, знакомясь с городом, неловко чувствует себя без спутника рядом, о чем горит Петру Ивановичу («**одному грустно в толпе, дядюшка**» [ГОНЧАРОВ 1997: 207]); устав от отношений с Юлией Тафаевой, он осознает, что «**свобода в обширном, высоком смысле значит – гулять одному!**» [ГОНЧАРОВ 1997: 376]. Так, возникает корреляция понятий «одинокость» и «свобода».

***

Исследователи отмечали условность пространства романа [Гузъ: 2001; Старыгина 2009]. Не удивительно, что **категория природы** (в рамках «петербургского текста») представлена в первом романе Гончарова слабо и больше перенесена в метафизическую плоскость. Природная лексика в прямом значении встречаются только в описании провинции или пригорода: «с **последним лучом солнца исчезла надежда; она (Лиза. – И. Б., А. С.) заплакала**» [ГОНЧАРОВ

1997: 405]. В остальных случаях они практически всегда обозначают не реальный пейзаж, а пространство в воспоминаниях или абстрактных размышлениях. Например, «мрак» у Гончарова возникает не от темноты ночи, а от страха перед утратой личностных сил и стремлений: «ведь уж нет ничего: ... **мрак**, пустыня; что тогда будет жизнь?» [ГОНЧАРОВ 1997: 337].

Писатель поэтизирует события и человеческие реакции через их сравнение с природными явлениями. Слово «туман» у Гончарова встречается в роли развернутой метафоры неизвестного будущего: «Зачем же так сильно и слепо влекло меня вдаль, в туман, на неровную и неизвестную борьбу с судьбой?», «будущее было одето туманом», или внутреннего смятения человека – «... у меня голова точно в тумане» [ГОНЧАРОВ 1997: 392, 389, 289]. Также употребляется производный глагол «отуманить» в значении «усложнить, отягчить»: «Сначала глаза его отуманились страхом» [ГОНЧАРОВ 1997: 252].

В категориальном словаре природы «петербургского текста» кодовыми являются слова «пар», «ветер», тоже ни разу на протяжении всего текста романа не употребленные в прямом значении. Слово «ветер» присутствует обычно в устойчивых выражениях («куда ветер подует!», «Я сейчас догадался ... с какой стороны ветер дует» [ГОНЧАРОВ 1997: 248, 346]), а слово «пар» – исключительно в составе гончаровской метафоры и является элементом вторичного кодирования²: «чувством надо управлять, как паром», «закрой скорей свой клапан – весь пар выпустил!» [ГОНЧАРОВ 1997: 233, 237].

Эмоциональности, сравниваемой с горячностью (метафора пара), противопоставляется сдержанность и отчужденность. Часто слово «холодный» характеризует объект не в одиночку, а в паре с контекстными синонимами, передающими традиционную семантику, обеспечивающими читателю правильное понимание: «холодность и неповоротливость мужей вошли в пословицу», «мне жаль его **холодного, черствого сердца**», «ревность ... **равнодушная, холодная, злая**» [ГОНЧАРОВ 1997: 247, 263, 371] и т.д. Соответственно, данное слово в художественном мире Гончарова, как и в локально-петербургском словаре, образно нагружено, является своеобразным «сигналом» во вторичной кодовой системе. Автор даже вводит неологизм в речь Петра Ивановича: «поискуснее **расхолодить**» [ГОНЧАРОВ 1997: 248]. Про семантику холода, связывая ее с пространственной сущностью ада убедительно писали В.Н. Ильин [ИЛЬИН 2012] и И.А. Беляева [БЕЛЯЕВА 2016].

В локально-петербургском словаре лексемы распределяются по категориям с учетом их основных значений. В связи же с многозначностью русского слова и обилием речевых контекстов выявляются дополнительные коннотации, которые нельзя относить к семантическим приращениям, вызванным сложной гончаровской образностью. Например, согласно В.Н. Топорову, слово «глубина» относится к категории «природных явлений», то есть под-

² Под **вторичным кодированием** мы понимаем ситуацию, когда индивидуальная авторская образность отягощает устойчивые языковые знаки семантическими приращениями и впоследствии использует образовавшиеся элементы в качестве слов-«сигналов» в ткани текста.

разумеваются физические параметры, в романе «глубина» соответствует предметам материальной сферы: «он подвинул тетрадь в глубину камина», «тут он ... отер влажные глаза и спрятался в глубину кареты» [ГОНЧАРОВ 1997: 344, 425]. Так, не всегда употребление маркированной лексемы может говорить об актуализации кода «петербургского текста».

В «Обыкновенной истории» встречаются слова-«сигналы» из категории «природных явлений», точно соответствующие топоровским критериям: «воздух», «свежесть», «прохлада» описывают уютную атмосферу сада возле дома Наденьки. Слово «заря» принадлежит речи повествователя, употребляется в нейтрально положительном регистре и традиционно связывается с темами творчества и влюбленности: «*заря охватила уже полнеба, когда Адуев сел в лодку*», «*часто заря заставала его над какой-нибудь элегией*» [ГОНЧАРОВ 1997: 264, 267]. Александр переплывает на другой берег, чтобы попасть к возлюбленной, вдоль реки происходят их прогулки, на Неву Наденька смотрит при последнем объяснении – «берег», «река», «Нева» относятся к «положительной» подкатегории, согласно В.Н. Топорову. Нева является знаком петербургской атмосферы, мифологически нагруженным объектом, поэтому необходимо зафиксировать само ее наличие в кульминационных сценах романа.

Присутствует у Гончарова точное попадание в семантику слов-«сигналов» локально-петербургского словаря в том числе из «отрицательной» подкатегории: «он подошел к окну и увидел ... *грязные кирпичные бока домов*» [ГОНЧАРОВ 1997: 203]. Хотя тут же встречается и употребление в абстрактном, метафизическом плане: «*чувства, упавшие ... с неба в земную грязь*», «*один вид этой грязи ... пугает творческую думу*» [ГОНЧАРОВ 1997: 209, 267] и т. д. Значение слова «грязь» в системе романтизма в рамках широкого противопоставления земного и небесного входит в антитезу со словом «свет». Это же наблюдаем в логике романного сюжета: переосмыслив отношения с Наденькой, Александр видит их «*в очищенном свете*», а «*саму изменницу – чуть не в лучах*» [ГОНЧАРОВ 1997: 448].

Многие использующиеся у Гончарова лексемы, номинально обозначающие природные явления, семантически связаны с психологическими качествами человека, тем самым они еще больше расширяют категорию «внутренних состояний». Таким образом, можно **фиксировать в «Обыкновенной истории» ассимиляцию категории «природных явлений» с категорией «внутренних состояний» в рамках «петербургского текста».**

***

Категория «культуры» представлена в «Обыкновенной истории», как это ни странно, достаточно скупо. Лексемы этой категории имеют минимальный потенциал для образования метафор и не связаны с описанием психологического состояния героев. С другой стороны, однозначность лексем, описывающих вещественный мир, обеспечивает точное попадание в семантику слов-«сигналов» локально-петербургского словаря.

В знаковых культурных и пространственных точках, обозначенных для общего корпуса «петербургского текста» В.Н. Топоровым, у Гончарова проис-

ходят важные для развития сюжета сцены: **по саду** Александр гуляет с Наденькой, **в белую ночь** они целуются в первый и последний раз, **на лестнице** он плачет после расставания. Приехав в Петербург, герой «преважно выступает» [ГОНЧАРОВ 1997: 206] по Невскому **проспекту**, ощущая себя столичным жителем, там же он встречается лучшего друга, разочаровавшего его короткой беседой. Дядя планирует не просто выкинуть, а пустить на **перегородки** неудавшиеся сочинения племянника. «**Середина**» – это пропасть между частями моста, куда герой чуть не попал, «процаясь с жизнью» [ГОНЧАРОВ 1997: 408]. Провинциал, непривыкший к людным местам, ошарашен суматохой, очарованный «фасадным» Петербургом, он начинает воспринимать ее как признак деятельной столичной жизни («**суматоха и толпа** – всё в глазах его получило другое значение» [ГОНЧАРОВ 1997: 206]); возомнив себя поэтом, Александр не хочет «**изобразить этих пошлых героев, которые ... мыслят и чувствуют, как толпа**», а убежавший от излишней опеки Юлии, он находит толпу «веселой» («там, где больше освещено, собралась **веселая толпа**») [ГОНЧАРОВ 1997: 267, 373]). «Толпа» и «суматоха» относятся к «отрицательной» подкатегории в локально-петербургском словаре, у Гончарова наблюдается вариативность употребления, связанная со сменой стилевых регистров, поскольку «Обыкновенная история» обладает кольцевой композицией, позволяющей реализовать прием сдвига: одни и те же события на разных витках сюжета получают разное истолкование.

В тексте романа присутствует один из самых концептуально важных знаков «петербургского текста»: дома сравниваются с «**колоссальными гробницами**», северная столица – с «**великолепной гробницей**» [ГОНЧАРОВ 1997: 204, 425]. В.Н. Топоров отмечал, что «сам Петербург метафорически может быть обозначен как фабрика смерти» [ТОПОРОВ 2009: 668]. Слово-«сигнал» «гробница» обрамляет петербургские сцены в романе Гончарова: в сценах приезда и отъезда героя из Петербурга набор из трех компонентов повествования (герой + ситуация + оценка ситуации) остается неизменным. Речь героев Гончарова включает в себя «кодовые слова»: «до гробовой доски» обещает быть верен своему другу Пospelов, «по гроб жизни» Марья Горбатова будет помнить «подвиг» Петра Ивановича, «хоть в гроб ложись» [ГОНЧАРОВ 1997: 190, 196, 337], – говорит отчаявшийся Александр.

Слова-«сигналы» обладают «импликационной силой» [ТОПОРОВ 2009: 696], по одному из них можно выявить с определенной точностью «словесное окружение» и тематику фрагмента. Текст Гончарова обнаруживает эту закономерность: слова-«сигналы» в романе имеют свойство группироваться, их частотность повышается при описании ключевого действия, происходящего в Петербурге. Например, описание первого впечатления Александра по приезде в столицу включает в себя восемь групп маркированных элементов на четыре нейтральных: «Он посмотрел на **дома** – и ему **стало еще скучнее**: на него **наводили тоску** эти **однообразные** (соответствуют семантике «тоскускуки» – И. Б., А. С.) **каменные громады**, которые, как **колоссальные** (можно считать контекстным синонимом к слову из «величайший» – И. Б., А. С.)

гробницы, сплошную массу» (соответствуют семантике «тесноты-узости» – И. Б., А. С.) *тянутся одна за другую»* [ГОНЧАРОВ 1997: 204].

«Петербургский текст» формировался в оппозиции к «московскому тексту», выделение которого является дискуссионным вопросом. В случае с романной трилогией Гончарова происходит своеобразная замена члена локусной оппозиции. Москва подменяется провинцией, также символизирующей патриархальный мир.

«Петербургский текст» в романе автора не монолитен, взаимодействует с «дачным» текстом: слова-«сигналы» присутствуют и в описании усадьбы Грачи (суматоха при сборах барина, теснота в комнате ключницы, где *«негде ступить»* [ГОНЧАРОВ 1997: 174] и т.д.) и в сценах с Лизой и Юлией Тафаевой, происходящих за городом (сцена пикника совмещает сразу несколько слов-«сигналов»). На наш взгляд, это можно объяснить моноцентричностью образной системы, тяготеющей к петербургскому центру.

Рассматривая в настоящей статье категорию «внутренних состояний», относящейся только к одному из уровней «петербургского текста», мы сконцентрировались на психологической характеристике Александра Адуева, определяя его как главного героя. Однако в «Обыкновенной истории» существует система романских двойников, реализующаяся не только в паре дядя-племянник, но и в образах второстепенных персонажей³, что может расширить и значения петербургского словаря в романе.

***

Итак, основной состав слов-«сигналов» «петербургского текста» в «Обыкновенной истории» и факт расширения индивидуального «петербургского» словаря, что подразумевает выстраивание рядов контекстных синонимов, свидетельствуют о том, что роман Гончарова не полностью вписывается в магистральное направление «петербургского текста» русской литературы, но перенимает принципы его конструирования. У Гончарова читатель имеет дело с семантическим усложнением, символизацией лексики локально-петербургского словаря, однако наблюдает и систематическую повторяемость концептуально важных слов-«сигналов» «петербургского текста». Таким образом, ранний роман Гончарова – пример текста аккумулирующего типа, открывающий вопрос о характере гончаровского «петербургского текста» в его двух последующих романах, где будет интересно проследить и судьбу ключевых индивидуальных слов-«маркеров», и устойчивость семантических приращений.

---

³ Юлия и Лиза как женские «двойники» героя [см.: КРАСНОЩЕКОВА 2008: 154, 161].

Библиография

- БЕЛЯЕВА, И.А. [BELÂEVA, I.A.] 2016: Гончаров – романист: дантовские параллели. Москва: МГПУ [Goncharov – a novelist: Dante's parallels. Moscow: MGPU].
- БЕЛЯЕВА, И.А. [BELÂEVA, I.A.] 2017: План новой жизни Обломова и новая жизнь Ольги и Штольца // Материалы VI Международной научной конференции, посвящённой 205-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения» [Oblomov's new life plan and Olga and Stolz's new life // Proceedings of the VI International Scientific Conference dedicated to the 205th anniversary of the birth of I.A. Gončarov. Ulyanovsk: Publishing House "Corporation of Promotion Technologies"], 76–84.
- ГОНЧАРОВ, И.А. [GONČAROV, I.A.] 1997: Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. Санкт-Петербург: Наука [Complete works and letters: In 20 volumes. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka].
- ГРОДЕЦКАЯ, А.Г. [GRODECKAĀ, A.G.] 2013: «Пафос середины»: ирония и автоирония у Гончарова // Bibliotheca slavica savariensis. Т. XIII. Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. Szombathely ["The pathos of the middle": irony and auto-irony in Goncharov // Bibliotheca slavica savariensis. Т. XIII. Goncharov: A living perspective of prose. Scientific articles about the work of I.A. Gončarov. Szombathely], 38–49.
- ДОМАНСКИЙ, В.А. [DOMANSKIĪ, V.A.] 2013: Петербургский текст в романах И.А. Гончарова // Bibliotheca slavica savariensis. Т. XIII. Гончаров: Живая перспектива прозы. Научные статьи о творчестве И.А. Гончарова. Szombathely [Petersburg text in the novels of I.A. Goncharova // Bibliotheca slavica savariensis. Т. XIII. Gončarov: A living perspective of prose. Scientific articles about the work of I.A. Gončarov. Szombathely], 49–57.
- ИЛЬИН, В.Н. [IL'IN, V.N.] 2012: Продолжение «Мертвых душ» у Гончарова (Гончаров как художник и мыслитель): Этюды по философии русской литературы // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья. Москва: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино [Continuation of "Dead Souls" by Gončarov (Gončarov as an artist and thinker): Studies in the philosophy of Russian literature // Master of the Russian novel I.A. Gončarov in the literary criticism of the Russian diaspora. Moscow: Book Center VGBIL im. M.I. Rudomino], 322–362.
- КРАСНОЩЕKOVA, Е.А. [KRASNOŠEKOVA, E.A.] 1997: Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд [Ivan Aleksandrovič Gončarov: The World of Creativity. St. Petersburg: Pushkin Foundation].
- КРАСНОЩЕKOVA, Е.А. [KRASNOŠEKOVA, E.A.] 2008: Роман воспитания – Bildungsroman – на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд [Upbringing novel - Bildungsroman - on Russian soil: Karamzin. Puškin. Gončarov. Tolstoj. Dostoevskij. St. Petersburg: Pushkin Foundation].
- ЛОТМАН, Ю.М. [LOTMAN, Ū.M.] 2018: Анализ поэтического текста. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус [Analysis of the poetic text. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus].
- МОЛНАР, А. [MOLNÁR, A.] 2012: Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения» [Poetry of prose in the work of Gončarov. Ulyanovsk: Publishing House "Corporation of Promotion Technologies"].

- СТАРЫГИНА, Н.Н. [STARYGINA, N.N.] 2009: Россия как пространство в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» // Жизнь провинции как феномен духовности. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского [Russia as a space in the novel by I.A. Gončarov "An Ordinary History" // Provincial Life as a Phenomenon of Spirituality. Nižnij Novgorod: Publishing House of Nižegorodsk State University named after N.I. Lobačevskij], 55–68.
- СТАРЫГИНА, Н.Н. [STARYGINA, N.N.] 2012: «Дачный текст» в романе «Обыкновенная история» И.А. Гончарова // Материалы V Международной научной конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения» ["Country text" in the novel "An Ordinary History" by I.A. Gončarov // Proceedings of the V International Scientific Conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of I.A. Gončarov. Ulyanovsk: Publishing House "Corporation of Pro-Movement Technologies"], 88–97.
- ТОПОРОВ, В.Н. [TOPOROV, V.N.] 2009: Петербургский текст. Москва: Наука [Petersburg text. Moscow: Nauka].
- ЦЕЙТЛИН, А.Г. [SEJTLIN, A.G.] 1950: И.А. Гончаров. Москва: Издательство АН СССР [I.A. Gončarov. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR].

Ирина БЕЛЯЕВА
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
belyaeva-i@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2840-4034

Александра СЕНИЛОВА
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия
sas2203@mail.ru